Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 81'27+81'42+808.51
ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.33* *Код ВАК 5.9.8*

Елена Александровна Грудева
Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь, Россия, elena-grudeva@yandex.ru, SPIN-код: 7638-5936

Дискурс конфликта: противостояние Ирана и США в СМИ и политической риторике (анализ больших данных)

АННОТАЦИЯ. *В работе применяется анализ больших данных для изучения риторики ирано-американского конфликта (2022–2026 гг.). Цель исследования — определить, как СМИ и политические деятели противодействующих стран конструируют образы «своих» и «других», оправдывают свои действия и формируют общественное мнение. Эмпирической основой послужил корпус из 1000 текстов, включающий публикации ведущих американских и иранских медиаплатформ, а также официальные заявления представителей двух государств. Методология исследования строится на когнитивном подходе Т. ван Дейка, теории легитимации Т. ван Леувена и теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. С помощью инструментов AntConc 4.2 и Sketch Engine был проведен количественный и качественный анализ ключевых лексем и ассоциативных рядов.*

Результаты показывают асимметричные дискурсивные конструкции в формировании двух нарративных систем: американские медиа и политики описывают Иран преимущественно через метафоры угрозы, применяя апелляцию и рационализацию как основные стратегии легитимации. Иранский дискурс использует категории жертвенности и сопротивления, легитимируя свои позиции через моральную оценку и мифопоэзию. Научная новизна работы заключается в использовании корпусного анализа больших данных, что позволяет расширить границы их применимости и обеспечить высокую точность и верифицируемость полученных результатов. Предпринятый анализ восполняет пробел в области сравнительных корпусных исследований, касающихся данного геополитического конфликта, особенно на фоне краха ядерной сделки после 2022 года и эскалации в 2026 году. Результаты исследования имеют значение для прикладной лингвистики и теории межкультурной коммуникации, а также могут быть интегрированы в программы по развитию критической медиаграмотности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, языковые средства, политический дискурс, политические тексты, анализ больших данных, дискурс конфликта, критический дискур-анализ, корпусная лингвистика, стратегии легитимации, концептуальная метафора, политическая конфликтология, ирано-американский конфликт, ирано-американские отношения.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Грудева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Ставропольский государственный аграрный университет, г. Ставрополь, Россия, email: elena-grudeva@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Грудева, Е. А.* Дискурс конфликта: противостояние Ирана и США в СМИ и политической риторике (анализ больших данных) / Е. А. Грудева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 29-40.

Elena A. Grudeva
Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia, elena-grudeva@yandex.ru, SPIN code: 7638-5936

Discourse of the Conflict: Confrontation between Iran and the USA in Media and Political Rhetoric (Big Data Analytics)

ABSTRACT. *The article employs the method of Big Data Analytics to study the rhetoric of the Iranian-American conflict (2022-2026). The research aim is to reveal how media and politicians of the opposing countries construct the images of "THEIR OWN" and "THOSE ALIEN", justify their actions and shape the public opinion. The empirical material consists of a corpus of 1,000 texts, including publications from the leading American (NYT, Washington Post, BBC) and Iranian (IRNA, Tasnim, Al Jazeera) media platforms, as well as official statements by the leaders of the states. The methodological framework is based on T. van Dijk's cognitive approach, T. van Leeuwen's theory of legitimation, and the concepts of metaphorical modeling by J. Lakoff and M. Johnson. Quantitative and qualitative analysis of key lexemes and associative series was carried out using AntConc 4.2 and Sketch Engine tools.*

The results show asymmetric discursive constructions in the formation of two isolated narrative systems: American media and politicians describe Iran primarily through threat metaphors, using authorization and rationalization as the main strategies of legitimization. Iranian discourse appeals to the categories of sacrifice and resistance, legitimizing its positions through moral assessment and mythopoetics. The scientific novelty of the work lies in the use of corpus analysis of big data, which makes it possible to expand the boundaries of their applicability and ensure high accuracy and verifiability of the results obtained. The analysis fills a gap in comparative corpus research related to this geopolitical conflict, especially against the background of the collapse of the nuclear deal after 2022 and escalation in 2026. The results of the study have implications for applied linguistics and the theory of intercultural communication, and can also be integrated into programs of critical media literacy development.

© Грудева Е. А., 2026

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, language means, political discourse, political texts, big data analytics, discourse of the conflict, critical discourse analysis, corpus linguistics, legitimization strategies, conceptual metaphor, political conflictology, Iranian-American conflict, Iranian-American relations.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Grudeva Elena Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia.*

FOR CITATION: *Grudeva E. A.* (2026). Discourse of the Conflict: Confrontation between Iran and the USA in Media and Political Rhetoric (Big Data Analytics). In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 29-40. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Язык не просто отражает политическую реальность — он активно ее конструирует. В условиях напряженной международной геополитики слова, выбираемые лидерами государств, чиновниками и средствами массовой информации, определяют то, как страны воспринимают друг друга, как оправдывают конфликты и как представляют себе мир и сотрудничество. Ирано-американский конфликт представляют собой один из самых лингвистически насыщенных и политически значимых геополитических конфликтов современной эпохи и является идеальным примером для изучения дискурса как инструмента власти и формирования идентичности и идеологии [Fairclough 2021].

Период с 2022 по 2026 год ознаменовался чрезвычайной эскалацией и напряженностью риторики в ирано-американских отношениях. Срыв переговоров по Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД) в 2022 году, сохраняющееся санкционное давление на Иран, а также прямые военные столкновения между Ираном и Израилем/США, произошедшие в апреле и октябре 2024 года, и новый виток эскалации в конце февраля 2026 года вызвали волну политической активности, публикаций в СМИ и дипломатических заявлений с обеих сторон. Эти события также породили ряд дискуссионных аспектов, лингвистический анализ которых остается в значительной степени недостаточно изученным в литературе по прикладной лингвистике.

Критический дискурсивный анализ (КДА) широко используется для изучения того, как язык создает и воспроизводит социальную власть, идеологию и неравенство [van Dijk 2001]. В сочетании с корпусными методологиями, позволяющими проводить систематический количественный анализ больших текстовых массивов, КДА становится обширной эмпирической основой, позволяющей исследователям перейти от интерпретативного чтения к статистически подтвержденным наблюдениям о дискурсивных паттернах [Baker 2019]. Эта интеграция, известная как корпусное исследование дискурса, стала одним из наиболее продуктивных методологических направлений в прикладной лингвистике за последнее десятилетие.

Несмотря на то, что ирано-американский конфликт является популярной темой для дискурс-анализа, в научной литературе наблюдается явный дисбаланс: большинство работ в рамках КДА фокусируются либо на западных медиа, либо на арабоязычных источниках. Сравнительные корпусные исследования, позволяющие проследить взаимное конструирование образов сторон в англоязычном и иранском дискурсах, встречаются редко. Кроме того, в прикладной лингвистике практически не изучен период 2022–2026 годов, ставший наиболее интенсивной фазой противостояния со времен Исламской революции 1979 года.

Мы провели анализ текстов новостных нарративов крупнейших медиаплатформ и официальных правительственных выступлений обеих сторон конфликта. Теоретической основой исследования послужили социально-когнитивная модель Т. ван Дейка, классификация дискурсивных стратегий легитимации Т. ван Леувена и теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Подобная эмпирическая база позволила нам создать многослойную аналитическую модель, способную охватить идеологические структуры на макроуровне и лингвистические особенности на микроуровне.

Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа языковых стратегий, используемых в условиях современной информационной войны. В эпоху доминирования социальных сетей и государственного конструирования дискурсов язык становится инструментом формирования образа врага, оправдания военных действий и управления конфликтами. Применение методов прикладной лингвистики, в частности дискурсивного и корпусного анализа, позволяет детально изучить эти механизмы, что и составляет научную новизну и значимость данного исследования.

В рамках данного исследования были определены следующие **цели**:

1. Выявить и сравнить доминирующие способы интерпретации ирано-американского конфликта в СМИ и политических заявлениях обеих стран за период 2022–2026 годов.

2. Проанализировать стратегии легитимации, применяемые обеими сторонами для обоснования своих политических и военных позиций в рамках обсуждения конфликта.

3. Изучить, как такие дискурсивные механизмы, как дегуманизация, угрозы и идеологическая поляризация, функционируют в языковом корпусе каждой из противодействующих сторон.

4. Оценить роль концептуальных метафор в поддержании конфликтных нарративов и создании когнитивных репрезентаций двусторонних отношений.

Для достижения целей исследования были сформулированы следующие **задачи:**

1. Какие когнитивные стереотипы преобладают в освещении конфликта между США и Ираном (2022–2026) в обеих странах и в чем заключаются их ключевые различия?

2. Какие стратегии легитимации (апелляция к авторитету, моральная оценка, рационализация, мифопоэзис) чаще всего используются в каждом национальном корпусе и как различаются частота и модели их использования?

3. Каким образом через метафоры угроз и идеологические бинарности формируются образы «своих» и «чужих» в рамках данного конфликта?

4. Какие концептуальные метафоры лежат в основе когнитивной репрезентации двусторонних отношений и как они трансформируются под влиянием знаковых событий (провал СВПД, военные удары 2024 и 2026 гг.)?

Научная новизна данной работы заключается в преодолении фрагментарности существующих исследований ирано-американского конфликта. Несмотря на наличие работ, посвященных отдельным аспектам ирано-американских отношений, ядерному дискурсу и стратегиям легитимации в конфликтной риторике, комплексный анализ с применением методов Big Data до сих пор не проводился. Данное исследование восполняет этот пробел, предлагая оригинальную методологию: использование корпусного анализа больших данных для одновременного изучения дискурса обеих сторон конфликта за период 2022–2026 годов.

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

2.1. Теоретическая основа исследования

Критический дискурс-анализ и политический язык

Критический дискурс-анализ (КДА) считается основополагающей структурой при изучении взаимосвязи языка, власти и идеологии в политическом контексте [Fairclough 2021]. Социально-когнитивный подход ван Дейка к КДА особенно актуален для настоящего исследования, поскольку он позиционирует дискурс как посредническую структуру между социальными и политическими структурами на макроуровне и когнитивными репрезентациями на микроуровне, которых придерживаются отдельные люди и сообщества. Ван Дейк утверждает, что идеологический дискурс функционирует через фундаментальную идеологическую плоскость: позитивную самопрезентацию и негативную презентацию других, реализуемую с помощью стратегий акцентирования, смягчения, выдвижения на первый план и подавления.

Применительно к геополитическим конфликтам эта концепция использовалась при изучении военного дискурса, дипломатического языка и риторики в области национальной безопасности.

Р. Водак и М. Мейер разработали дискурсивно-исторический подход, который помещает лингвистический анализ в более широкий исторический и интертекстуальный контекст — методологический принцип, который привлекает внимание настоящего исследования к конкретным политическим событиям, которые закрепляют каждый дискурсивный момент [Wodak, Meyer 2009].

Теория фрейминга в СМИ и политическом дискурсе

Теория фреймов, возникшая в социологической работе И. Гофмана [Гофман 2003] и впоследствии разработанная в исследованиях массовых коммуникаций Р. Энтманом [Entman 1993], обеспечивает дополнительный аналитический инструмент для понимания того, как СМИ и политические деятели целенаправленно используют информацию для продвижения конкретных интерпретаций событий. Концепция Энтмана, согласно которой фрейминг заключается в том, чтобы выбрать некоторые аспекты воспринимаемой реальности и сделать их более заметными в коммуникативном контексте, широко применяется в исследованиях дискурса конфликтов.

Дискурс легитимации в международном конфликте

Концепция легитимации — дискурсивные процессы, посредством которых политические субъекты оправдывают свои действия перед внутренней и международной аудиторией, — в последние годы привлекла значительное внимание ученых. Т. ван Леувен предлагает классификацию из четырех стратегий: авторизация (апелляция к авторитету, традиции, закону или общепринятому мнению), рационализация (апелляция к полезности или функциональности, соответствию

определенным целям или нормам), моральная оценка (апелляция к ценностям/нормам), мифопоэзис (апелляция к устоявшимся повествованиям, мифам, архетипам, для создания целостной и эмоционально убедительной картины) [Leeuwen 2007].

Американский лингвист А. Рейес рассматривает альтруизацию как еще одну стратегию легитимации. С помощью этого риторического приема необходимые политическому деятелю действия преподносятся не как продиктованные личным интересом, а как направленные на благо всего общества, что способствует большей поддержке проводимой им политики [Reyes 2011]. Исследования, в которых применялась концепция Рейеса к конфликтному дискурсу, продемонстрировали ее аналитическую полезность в различных геополитических контекстах.

Данная классификация обеспечивает основу для анализа легитимации в настоящем исследовании.

Изучение дискурса с помощью корпусного анализа

Методологическая интеграция корпусной лингвистики с дискурс-анализом — corpus-assisted discourse studies (CADS) — была убедительно сформулирована П. Бейкером и соавторами, которые утверждают, что корпусные методы позволяют устранить предвзятость подтверждения, присущую чисто качественному дискурс-анализу, выявляя закономерности, которые аналитики, возможно, не ожидали. Сочетание анализа ключевых слов, словосочетаний, лексических соответствий и измерения семантической просодии позволяет исследователям выявлять статистически значимые закономерности использования языка в больших массивах текстов [Baker et al. 2020].

Настоящее исследование применяет аналогичные методы к описанию конфликта между Ираном и США, распространяя эту традицию на до сих пор недостаточно изученный геополитический контекст.

Конструирование образов «своих» и «других» в дискурсе конфликта

Центральное место в анализе дискурса конфликта занимает концепция «свои/другие» — дискурсивный механизм, посредством которого группы выстраивают бинарные различия между своими (внутри группы) и другими (вне группы), как правило, наделяя первых позитивными характеристиками, а вторых — негативными. Основой изучения данного механизма служит «Идеологический квадрат» ван Дейка.

Теория концептуальной метафоры и дискурс конфликта

В данной работе мы опираемся на ключевой тезис теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что метафоры — это не просто стилистические приемы языка, а базовые когнитивные механизмы, которые определяют наше мышление и позволяют лучше понять абстрактные сферы, такие как политика, экономика или международные отношения. Методологической основой нашего исследования послужила работа Дж. Лакоффа «Metaphor and war: The metaphor system used to justify war in the Gulf», которая считается эталоном для изучения концептуальных метафор в политическом дискурсе [Lakoff 2009].

2.2. Методология исследования

Анализ больших данных включал смешанный подход, сочетающий количественные методы корпусной лингвистики с качественным критическим дискурс-анализом. Исследование опирается на эпистемологию критического реализма, согласно которой дискурс понимается как формируемая социальная реальность, а лингвистический анализ позволяет выявить скрытые идеологические структуры, зачастую остающиеся вне поля зрения рядовых носителей языка [Fairclough 2021]. Исследование включало шесть последовательных этапов (рис. 2).

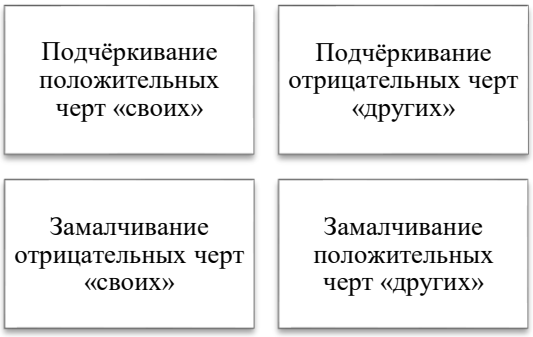

Рис. 1. «Идеологический квадрат» ван Дейка

Рис. 2. Анализ больших данных, примененный в исследовании

Примечание. Каждая фаза последовательно переходит в следующую, обеспечивая многоуровневый аналитический результат

Таблица 1

Состав корпуса

Источник	Количество текстов (n)	Количество слов	% от общего корпуса
The New York Times	120	188,800	13%
The Washington Post	110	149,600	9,8%
CNN	130	197,300	13,3%
Официальные заявления США*	150	254,500	17%
IRNA (English)	130	193,600	12,7%
Tasnim News Agency	100	112,800	8%
Al Jazeera (English)	110	151,400	10,2%
Официальные заявления Ирана**	150	246,800	16%
Всего	**1,000**	**1,500,000**	**100%**

Примечание. Тексты были собраны в период с марта 2022 г. по март 2026 г. Количество слов является приблизительным, основанным на количестве токенов AntConc без учета стоп-слов.

* Выступления президента США и заявления представителей США в Совете Безопасности ООН

** Выступления президента Ирана и заявления Министерства иностранных дел Ирана

Все тексты, проанализированные в данном исследовании, являются общедоступными материалами — опубликованными новостными статьями, официальными речами представителей власти и дипломатическими заявлениями, — которые регулярно используются в научных исследованиях по дискурс-анализу. Аналитические интерпретации представлены в качестве исследовательских выводов и не являются политическим одобрением какой-либо позиции одной из сторон конфликта.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ

3.1. Состав корпуса

Для исследования был собран корпус из 1000 текстов общим объемом около 1,5 миллиона слов (500 текстов, ~780 000 слов из американских источников и 500 текстов, ~720 000 слов из иранских). В качестве американских источников были выбраны «New York Times», «Washington Post», CNN, а также выступления представителей Госдепартамента и президента США. Арабские источники включали информационные агентства IRNA и Tasnim, новостной канал «Al Jazeera English», а также заявления Министерства иностранных дел и президента Ирана. Все тексты были взяты из открытых источников в сети Интернет.

Тексты отбирались на основе трех критериев: (1) они непосредственно описывают двусторонние отношения между США и Ираном; (2) период публикации — март 2022 года — март 2026 года; и (3) доступность источников в полнотекстовом цифровом формате. Ключевые события были выбраны так, чтобы сделать анализ более глубоким и достоверным: провал переговоров по СВПД (2022 год), эскалация конфликта в апреле и октябре 2024 года и в конце февраля 2026 года. Для каждого из событий были созданы подкорпусы текстов, позволяющие проводить диахронические сравнения. В таблице 1 представлен общий состав корпуса с разбивкой по источникам, количеству текстов и слов.

3.2. Анализ ключевых слов и доминантных фреймов

Корпус был проанализирован с помощью инструментов AntConc 4.2 и Sketch Engine. Для статистической оценки ключевых слов применяли метод логарифмического правдоподобия (Log-Likelihood) с порогом значимости 6,63 ($p < 0,01$), сравнивался каждый подкорпус с общим корпусом. В AntConc этот критерий реализуется через инструмент Keyword List. Анализ словосочетаний, состоящих из 5 слов с оценкой взаимной информативности (MI) выше 3,0, являлся критерием для включения в исследование. Анализ соот-

ветствия проводился вручную по 200 наиболее частотным ключевым словам в каждом подкорпусе, что позволило на качественном уровне верифицировать статистические данные: проверить контексты употребления, выявить конкордансы и особенности реализации исследуемых единиц в дискурсе.

Анализ ключевых слов в подкорпусах американских и иранских медиаплатформ по сравнению с общим справочным корпусом выявил их высокую степень сходства; основными в обоих подкорпусах являются темы угрозы, дестабилизации и нарушении правил. Так, в американском подкорпусе преобладают следующие ключевые слова: атака (LL = 847,3), ядерный (LL = 712,4), угроза (LL = 698,1), санкции (LL = 611,2), террорист (LL = 589,3), режим (LL = 534,7), дестабилизация (LL = 512,8) и переговоры (LL = 487,6). Эти ключевые слова можно объединить в два доминирующих семантических поля: (1) международная безопасность/угроза распространения терроризма и (2) международные отношения/разрешение конфликта через санкции и переговоры.

В иранском подкорпусе были выделены следующие ключевые слова: атака (LL = 801,2), сопротивление (LL = 778,5), санкции (LL = 721,3), оккупация (LL = 698,4), мученик (LL = 634,7), жертва (LL = 589,1), права (LL = 543,8) и агрессия (LL = 512,4). Они объединяются в семантические поля (1) конфликт/сопротивление и (2) права человека, социальная справедливость/виктимность, создавая фундаментальную асимметрию восприятия: там, где американский дискурс конструирует Иран как источник угрозы, иранский дискурс конструирует себя как субъекта-жертву.

В таблице 2 представлены 15 частотных слов с логарифмическим показателем правдоподобия (Log-Likelihood Score) для каждого подкорпуса.

3.3. Стратегии легитимации

Структурирование дискурса легитимации проводилось в соответствии с четырьмя стратегиями Т. ван Леувена. В качестве пятой стратегии легитимации мы рассматривали стратегию альтруизации, предложенную А. Рейесом.

Анализ случайной стратифицированной выборки из 200 текстов двух национальных корпусов показал существенные расхождения в структурировании четырех стратегий легитимации. В таблице 3 представлены данные о частоте и процентном соотношении применения каждой стратегии в обоих корпусах. В целом апелляция к авторитету и рационализация доминируют в американском корпусе, в то время как в иранском корпусе преобладают стратегии моральной оценки и мифопоэзис — модель, согласующаяся с контрастирующими политическими функциями легитимации в каждом контексте. США, как сторона, вводящая санкции и ведущая активную военную политику, в большей степени апеллируют к процедурным механизмам (резолюции Совета Безопасности ООН, обязательства по ДНЯО) и

Таблица 2

15 самых частотных слов в каждом национальном подкорпусе
(по логарифмическому показателю правдоподобия)

№	Ключевые слова американского корпуса	LL США	Ключевые слова иранского корпуса	LL Иран
1	атака	847,3	атака	801,2
2	ядерный	712,4	сопротивление	778,5
3	угроза	698,1	санкции	721,3
4	санкции	611,2	оккупация	698,4
5	террорист	589,3	мученик	634,7
6	режим	534,7	жертва	589,1
7	дестабилизация	512,8	права	543,8
8	переговоры	487,6	агрессия	512,4
9	давление	465,2	гегемония	498,3
10	сделка	451,7	империализм	476,1
11	уран	443,1	незаконный	454,3
12	опасность	421,8	давление	443,7
13	нефть	398,4	решительность	421,2
14	посредник	387,2	давление	398,6
15	кризис	371,6	сделка	376,4

Примечание. Пороговое значение логарифмической вероятности: LL ≥ 6,63 ($p < 0,01$).

Таблица 3

Частотное распределение стратегий легитимации по национальным корпусам (n = 200 текстов)

Стратегии легитимации	Американский корпус		Иранский корпус		χ^2 (df=1)
	(n)	(%)	(n)	(%)	
Апелляция к авторитету	312	38,2%	178	21,8%	47,3*
Рационализация	287	35,1%	198	24,2%	31,6*
Моральная оценка	98	12,0%	234	28,6%	52,1*
Мифопоэзис	67	8,2%	198	24,2%	64,7*
Альтруизация	53	6,5%	109	13,3%	18,9*
Итого:	817	100%	917	100%	—

Примечание. Статистическая значимость различий подтверждается значением $p < 0,001$. С помощью критерия χ^2 было проведено сравнение наблюдаемых частот распределения стратегий с теоретически ожидаемым равномерным распределением. Коэффициент каппа Коэна (к) составил 0,81 (значительное совпадение).

используют рационально-инструментальную аргументацию, ссылаясь на необходимость снижения уровня ядерной угрозы и обеспечения стабильности в регионе Персидского залива. Иран, как объект санкций и военных действий, больше полагается на морально-нормативные призывы и исторические нарративы, чтобы обосновать свои позиции как внутри региона, так и перед международной аудиторией. Альтруизация в иранском медиадискурсе используется намного чаще, чем в американском (таблица 3).

В рамках одного текста может быть представлено несколько стратегий легитимации, поэтому общее количество примеров превышает количество текстов (100 в каждом корпусе).

3.4. Образы «своих» и «других» в конфликтном дискурсе

Для идентификации концептуальной метафоры использовалась процедура MIP/MIPVU [Steen et al. 2010], примененная к подвыборке из 100 текстов.

Анализ механизмов противопоставления «своих» и «других» выявляет систематические закономерности в идеализации своей группы и дискредитации оппонентов, хотя конкретные языковые формы заметно различаются. В американском корпусе Иран преимущественно конструируется с помощью машинных метафор (иранский режим как машина угнетения). Статистический анализ показал, что ключевое слово «режим» (MI = 451,7) образует наиболее частотные коллокации с лексемами «жестокость» (MI = 4,7), «авторитарность» (MI = 4,3) и «репрессивность» (MI = 4,1), что делегитимизирует политическую идентичность Ирана как государственного образования в пользу представления о нем как о ненормальном правящем аппарате, который необходимо нейтрализовать. Себя США традиционно видят в образе «защитника» (MI =513,7) прав и свобод своих граждан и граждан других стран, санкции и эскалация конфликта оправдываются защитой интересов и прав граждан. Самыми частотными коллокациями являются «правовой» (MI = 9,2), «свободный» (MI = 8,4), «справедливость» (MI = 7,7).

В иранском медиадискурсе США интерпретируются с помощью метафор «актора» — хищника, агрессора, стремящегося полностью подчинить себе страну. Частотными коллокациями с ключевым словом «обманщик» (MI = 512,4) являются «глобальный» (MI = 5,1), «высокомерный» (MI = 4,8) и «преступный» (MI = 4,4).

Иранская самопрезентация строится на акцентах идентичности, суверенитета и сопротивления внешнему давлению. Так, при создании образа жертв агрессии США в иранских нарративах часто встречается лексема «мученик» (MI = 426,3) в сочетании с лексемами «сопротивление» (MI = 6,3), «национальный» (MI = 5,7) и «гордый» (MI = 5,2).

Таблицы 4 и 5 показывают диахроническое распределение ключевых лексем «других» и «своих» по трем событийным подкорпусам, показывающее, как конкретные конфликтные события усиливают или меняют дискурсивные паттерны.

Таблица 4

Диахроническое распределение ключевых лексем «других» по подкорпусам событий

Корпус	Лексемы «чужих»	2022 Провал СВПД (freq/10k)	2024 Эскалация конфликта (freq/10k)	2026 Эскалация конфликта (freq/10k)	Тенденция
американский	режим	6,2	8,7	11,3	↑ всплеск в 2026
	террорист / терроризм	4,8	9,6	12,4	↓ затем ↑
	угроза	14,3	21,7	18,2	стабильный↑
	опасность	5,6	4,1	3,2	невысокий
иранский	обманщик	17,8	14,2	11,3	↑ Пик СВПД
	хищник	7,4	9,8	13,8	↑ всплеск в 2026
	оккупация	4,3	12,4	16,7	событийно-управляемый
	преступник	12,1	18,6	9,8	стабильный ↑

Таблица 5

Диахроническое распределение ключевых лексем «своих» по подкорпусам событий

Корпус	Лексемы «своих»	2022 Провал СВПД (freq/10k)	2024 Эскалация конфликта (freq/10k)	2026 Эскалация конфликта (freq/10k)	Тенденция
американский	свобода	9.4	11.3	14.4	↑ всплеск в 2026
	справедливость	8.6	9.6	12.4	↓ затем ↑
	защита	17.3	18.6	20.3	стабильный↑
	закон	4.4	3.1	4.2	невысокий
иранский	суверенитет	13.6	14.2	15.7	стабильный ↑
	мученик	3.3	7.8	12.9	↑ всплеск в 2026
	возмездие	12.4	15.3	16.7	событийно-управляемый
	сопротивление	14.6	16.3	18.2	стабильный ↑

Примечание. Частоты, нормализованные на 10 000 слов в каждом подкорпусе событий. ↑ = тенденция к увеличению за период; ↓ = тенденция к снижению. Подкорпус 2022 года охватывает период с июня по декабрь; 2024 года — апрель и октябрь; 2026 года — март

4. ОБСУЖДЕНИЕ

4.1. Асимметрия восприятия угрозы и образа жертвы

Наиболее теоретически значимым выводом этого исследования можно считать фундаментальную дискурсивную асимметрию в том, как каждая из сторон конструирует свою роль в двусторонних отношениях. В американском медиадискурсе США последовательно позиционируют себя как рационального субъекта, реагирующего на иранские угрозы, а Иран рассматривается как источник опасности и нестабильности не только в регионе, но и во всем мире. Иранский дискурс в точности переворачивает эту конструкцию: США — угрожающий миру агрессор, а Иран — жертва агрессии, защищающая свои права от незаконного вмешательства. Этот вывод согласуется с моделью идеологической поляризации позитивного «свои» и негативного «другие» ван Дейка, но совокупность статистических данных придает беспрецедентный размах и конкретность этому теоретическому наблюдению.

Подобная асимметрия имеет значительные последствия для разрешения конфликтов и коммуникации. Как утверждают Дж. Флауэрдью и Дж. Ричардсон, когда две конфликтующие стороны обитают в совершенно непересекающихся дискурсивных реальностях и каждая видит себя жертвой, а другую сторо-

ну — агрессором, дипломатическая коммуникация сталкивается с фундаментальной проблемой: не существует общих дискурсивных рамок, в которых можно было бы осмысленно предложить примирение [Flowerdew, Richardson 2017]. Процесс переговоров по ядерной сделке подтверждает это: провал переговоров по возобновлению СВПД в 2022 году сопровождался резким усилением дискурса о суверенитете и его нарушении в текстах иранских СМИ (таблица 4). Это дает основание полагать, что иранская сторона рассматривала переговорный процесс не как механизм контроля над ядерным вооружением, а как принципиальный вопрос поддержания государственного престижа.

4.2. Легитимация на службе политическим целям

Различные профили стратегий легитимации, представленные в таблице 3, отражают различные политические функции, которые выполняет дискурс легитимации для каждого субъекта. Введение санкций со стороны США — апелляция к международному праву, резолюциям Совета Безопасности ООН и договорным обязательствам — служит для того, чтобы поместить санкции и военные действия США в международно признанные нормативно-правовые рамки, придавая поведению США процедурную легитимность, независимо от его существенных последствий. Иранская моральная оценка и мифопоэзия, напротив, служат мобилизации внутренней поддержки и созданию нарративно согласованной идентичности для иранской аудитории, позиционируя современный американо-иранский конфликт в рамках более длинной исторической дуги колониальной и имперской агрессии, сопротивление которой становится не просто оправданным, но священным долгом Ирана.

Обращает на себя внимание достаточно высокая частота использования стратегии альтруизации в иранском дискурсе — 13,3 % (в американском только 6,5 %). Используя данную стратегию в медиадискурсе, представители США стараются создать впечатление, что их давление на Иран в конечном счете выгодно в первую очередь иранскому народу, а санкции направлены против иранского режима, а не против его граждан, и это различие, лингвистическая конструкция которого (режим против народа) выполняет значительную идеологическую работу. Иранские власти используют стратегию альтруизма, чтобы преподнести свое участие в военных действиях и переговорных процессах как благородную борьбу за справедливость. В этой картине мира Иран выступает не как игрок, преследующий национальный интерес, а как самоотверженный защитник всех «пострадавших от гнета империализма».

4.3. Концептуальные метафоры и когнитивное конструирование

Мы придерживаемся мнения, что теория концептуальной метафоры позволяет вскрыть механизмы, с помощью которых язык формирует искаженное восприятие реальности, определяя концептуализацию двусторонних отношений между Ираном и США как на уровне политических элит, так и в общественном сознании.

Так, в американском дискурсе самой распространенной является метафора «режим — это машина», представляющая государство, его институты или политику как механизм, который работает по шаблону, служит определенной цели (подавлению, контролю, пропаганде) и уничтожает не только внешних врагов, но и своих граждан:

(1) *Iran regime's* ***execution machine*** *accelerates: political prisoners face imminent death as nationwide killings reach a 37-year high* (***Машина казней*** *иранского режима набирает обороты: Политическим заключенным грозит неминуемая смерть, поскольку число убийств по всей стране достигло 37-летнего максимума*);

(2) *Tehran's* ***killing machine*** *accelerates: executions expose a fragile regime terrified of a restive nation* (***машина убийств*** *в Тегеране набирает обороты: казни разоблачают хрупкий режим, напуганный непокорной нацией*);

(3) *…puts prisoners to death on an «****industrial scale****»* (*…убивает заключенных в «****промышленных масштабах****»*);

(4) *The Iranian regime —* ***a machine fueled by terror*** (*Иранский режим — это* ***Машина, подпитываемая террором***);

(5) *Tehran's* ***terror machine*** *loathed in the Middle East* (***Террористическая машина*** *Тегерана, которую ненавидят на Ближнем Востоке*);

(6) *Unlike almost any other country, the Islamic Republic has supported terrorism within its* ***military and intelligence apparatuses*** (*В отличие почти от любой другой страны, Исламская Республика поддерживает терроризм в рамках своих военных и разведывательных структур*);

(7) *Tehran's slick* ***media machine*** *has pursued these objectives using a range of strategies…* (*Ловкая* ***медийная машина*** *Тегерана добивается этих целей, используя целый ряд стратегий*...).

Ядерная программа Ирана в американском дискурсе также представляется как «технический проект»:

(8) *the nuclear enrichment* ***machinery*** (***машина обогащения*** *[урана]*);

(9) *Iran is prepared* ***to ramp up*** *its uranium enrichment capabilities…* (*Иран готов* ***наращивать*** *свои возможности по обогащению урана…*);

(10) ***to dismantle*** *key components of the program* (***демонтировать*** *ключевые компоненты программы*).

Функция «машинных» метафор — дегуманизация государства и его лидеров. В американских СМИ и в заявлениях политиков иранский режим представляется как жестокая «машина», бездушное «устройство», которое несет ядерную или террористическую угрозу всему миру. Восприятие проводимых военных действий аудиторией искажается: главной темой становится необходимость смены режима; гуманитарный аспект и социальные последствия конфликта отходят на второй план. Мы видим не трагедии реальных людей, которые неизбежно несет война, а опасный механизм, который необходимо остановить. Более того, «машинные» метафоры усиливают тревожный нарратив — когда политики заявляют об «иранской машине убийств», мы воспринимаем это как сигнал нарастающей угрозы.

В иранском политическом дискурсе США представлены как актор (активный субъект) — через образы, которые подчеркивают агрессию, доминирование, манипуляцию и контроль. Основная метафора в иранском дискурсе — «США это хищник/оккупант/источник конфликтов и кризисов»:

(11) *The United States does not seek stability; it thrives* ***on aggression****. Like* ***a predator*** *circling its prey, it keeps testing red lines, probing for weakness, and escalating pressure until it gets what it wants* (*США не стремятся к стабильности — они процветают за счёт* ***агрессии.*** *Как* ***хищник,*** *кружащий над жертвой, они постоянно проверяют красные линии, ищут слабые места и усиливают давление, пока не получат желаемое*);

(12) *They may not deploy boots on the ground everywhere, but their economic siege is* ***a form of occupation****. Sanctions are not diplomacy — they are weapons of economic warfare designed to strangle a sovereign nation. This is* ***aggression*** *by another name* (*Пусть они не вводят войска повсюду, но их экономическая осада — это форма* ***оккупации.*** *Санкции — не дипломатия, а оружие экономической войны, призванное задушить суверенное государство. Это* ***агрессия*** *под другим именем*);

(13) *Washington doesn't resolve conflicts —* ***it fuels*** *them.* ***They are not peacemakers; they are the arsonists of regional stability****. Every crisis becomes an opportunity for them to expand influence, sell weapons, and reshape borders to their advantage* (*Вашингтон не разрешает конфликты — он их* ***подпитывает****. Они* ***не миротворцы, а поджигатели*** *региональной стабильности. Каждый кризис становится для них возможностью расширить влияние, продать оружие и перекроить границы в свою пользу*).

Метафора «США — обманщик/манипулятор» часто используется в иранском дискурсе. Иранские спикеры часто говорят о том, что США мастерски «переворачивают реальность», выдают ложь за правду и «замазывают» свои преступления. В качестве инструмента доминирования называют «медийную войну», основанную на обмане и искажении фактов.

(14) *They have mastered the art of* ***turning reality on its head****: aggression is packaged as defense, occupation is sold as liberation, and crimes are presented as humanitarian missions. This is not diplomacy;* ***it is a systematic distortion of facts*** *to justify their agenda* (*Они в совершенстве овладели* ***искусством переворачивать реальность****: агрессию представляют как оборону, оккупацию продают как освобождение, а преступления преподносят как гуманитарные миссии. Это не дипломатия, а* ***систематическое искажение фактов для оправдания своей повестки***);

(15) *Their strategy includes not only* ***spreading falsehoods*** *but also* ***whitewashing their crimes*** *with a veneer of legality and moral high ground. Every violation is dressed up in the language of "rules-based order", while the real impact on people is deliberately kept out of the frame* (*Их стратегия включает не только* ***распространение лжи****, но и прикрытие своих преступлений маской легальности и моральных претензий. Каждое нарушение облачают в язык «порядка, основанного на правилах», тогда как реальные последствия для людей намеренно остаются за кадром*);

(16) *It is not a matter of occasional mistakes;* ***it is the very nature of their policy to break commitments*** *whenever it suits their interests. Treaties and agreements are mere instruments for them — to be used and discarded like worn-out tools* (*Речь не о случайных ошибках:* ***сама природа их политики — нарушать обязательства*** *всякий раз, когда это отвечает их интересам. Договоры и соглашения для них — всего лишь инструменты, которые используют и выбрасывают, как изношенные орудия*);

(17) *They treat international accords as* ***disposable tools****:* ***effective while they serve***

their purpose, and easily discarded once the utility expires (*Они относятся к международным соглашениям как к* ***одноразовым инструментам****:* ***они эффективны, пока служат цели, и легко выбрасываются, как только польза иссякает***).

Используя подобные метафоры, иранские политические деятели легитимизируют антиамериканскую повестку, представляя США как внешнюю силу, осуществляющую тотальный контроль и диктат.

Таким образом, обе стороны конфликта при построении идеологического образа друг друга используют такие концептуальные метафоры, которые можно легко масштабировать под разные темы: ядерную программу, экономику, региональную политику.

4.4. Диахронические сдвиги и событийный дискурс

Диахронический анализ (таблицы 4 и 5) показал, что ключевые политические события приводят к предсказуемым сдвигам в частотности использования определенных лексем. Военные события в 2024 и особенно в 2026 году привели к самой высокой частоте упоминаний лексем «режим», «терроризм» и «оккупация». Таким образом, прямой кинетический конфликт резко усиливает негативное восприятие «других» в дискурсе конфликта и, следовательно, лингвистическая эскалация, сопровождающая военную эскалацию, сама по себе может способствовать созданию условий, затрудняющих мирные переговоры, поскольку нарастающая критика «других» становится все более заметной.

5. ВЫВОДЫ

В данной работе представлен анализ больших данных текстов, посвященных ирано-американскому конфликту в период с 2022 по 2026 год. Исследование сфокусировано на выявлении стратегий легитимации, концептуальных метафор и механизмов формирования образов «своих» и «других», используемых обеими сторонами. Анализ выявил глубокую дискурсивную асимметрию в формировании двух нарративных систем, в рамках которых каждая из сторон конструирует себя через образ жертвы, а противодействующую сторону — как угрозу: в американских источниках Иран позиционируется как глобальная угроза (ядерная, террористическая) и дестабилизирующий фактор; себя США представляют как сторону, вынужденную защищать свои интересы и интересы других государств. В иранском политическом дискурсе США предстают как агрессор, посягающий на государственный суверенитет. Самовосприятие Ирана в этом конфликте — это образ жертвы, вынужденной отстаивать свои стратегические интересы и суверенитет, но готовой к решительному противодействию.

Данная работа развивает и дополняет теоретические подходы Т. ван Дейка к социально-когнитивному анализу дискурса, типологию легитимации Т. ван Леувена и теорию концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона, адаптируя их к специфике современных ирано-американских геополитических отношений. Научная новизна работы заключается в междисциплинарном синтезе данных подходов с методами корпусной лингвистики, что позволяет расширить границы их применимости и обеспечить высокую точность и верифицируемость полученных данных.

Данное исследование имеет высокую прикладную ценность. В эпоху, когда лингвистическое моделирование геополитической реальности влияет на общественное мнение относительно военных действий, режимов санкций и дипломатического взаимодействия, анализ дискурса конфликта приобретает критическое значение. Практическая значимость исследования заключается в выявлении лингвистических инструментов формирования геополитической реальности, что необходимо для развития критической медиаграмотности в условиях современных международных конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман ; пер. с англ. Р. Е. Бумагина и др. — Москва : Ин-т социологии РАН : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. — 750 с. — ISBN 5-93947-011-4.

2. Колмогорова, А. В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа / А. В. Колмогорова // Политическая лингвистика. — 2018. — № 1(67). — С. 33–40. — DOI 10.26170/pl18-01-03. — EDN YSUNKN.

3. Ромашова, И. П. Стратегии и тактики легитимации в корпоративном дискурсе / И. П. Ромашова // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7, № 2. — С. 365–376. — DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(2).365-376. — EDN DSZGKL.

4. Цурикова, Л. В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности / Л. В. Цурикова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4 (13). — С. 98–108. — EDN IIQYUD.

5. Baker, C. F. A frames approach to semantic analysis / C. F. Baker, C. J. Fillmore // The Oxford Handbook of Linguistic Analysis / ed. B. Heine, H. Narrog. — 2nd ed. — S.l., 2015. — DOI 10.1093/oxfordhb/9780199677078.013.0013.

6. Chilton, P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice / P. Chilton. — 2nd ed. — London : Routledge, 2025. — ISBN 978-1003406990. — 266 p. — DOI 10.4324/9781003406990.

7. Dijk, T. A. van. Critical discourse analysis / T. A. van Dijk // The Handbook of Discourse Analysis / eds. D. Schiffrin, D. Tannen, D., H. E. Hamilton. — USA : Blackwell Publisher Ltd, 2001. — P. 352–371.

8. Dijk, T. A. van. Discourse, Power and Access / T. A. van Dijk // Discourse and Power. — S.l., 2008. — DOI 10.1007/978-1-137-07299-3_3.

9. Entman, R. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm / R. Entman // Journal of Communication. — 1993. —

Vol. 43, Iss. 4. — P. 51–58. — DOI 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x.

10. Fairclough, N. Language and power / N. Fairclough. — 2nd ed. — London : Longman, 2001. — ISBN 978-0582414839.

11. Flowerdew, J. The Routledge handbook of critical discourse studies / eds. J. Flowerdew, J. E. Richardson. — London : Routledge, 2017. — ISBN 978-1315739342. — DOI 10.4324/9781315739342.

12. Lakoff, G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify war in the Gulf / G. Lakoff // Cognitive Semiotics. — 2009. — Vol. 4 (2). — P. 5–19.

13. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1981. — ISBN 978-0-226-46800-6. — DOI https://doi.org/10.7208/chicago/9780226470993.001.0001.

14. Leeuwen, T. van. Legitimation in discourse and communication / T. van Leeuwen // Discourse & Communication. — 2007. — Vol. 1, Iss. 1. — P. 91–112. — DOI 10.1177/1750481307071986.

15. Matthes, J. Framing Politics: An Integrative Approach / J. Matthes // American behavioral scientist. — 2012. — Vol. 56, no. 3. — P. 247–259.

16. Reyes, A. Legitimation in political discourse: From Words to Actions / A. Reyes // Discourse & Society. — 2011. — Vol. 22, Iss. 6. — P. 781–807. — DOI 10.1177/0957926511419927.

17. Steen, G. J. A method for linguistic metaphor identification / G. J. Steen, A. G. Dorst, J. B. Herrmann, A. A. Kaal, T. Krennmayr, T. Pasma. — S.l. : John Benjamins, 2010. — DOI https://doi.org/10.1075/celcr.14.

18. Wodak, R. Critical discourse analysis: history, agenda, theory, and methodology. 1. Methods of Critical Discourse Analysis / eds. R. Wodak, M. Meyer (Eds.). S.l. : Sage, 2009.

REFERENCES

1. Gofman, I. (2003). Analiz freymov: ehsse ob organizatsii povsednevnogo opyta = Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience (transl. from Engl. by R. E. Bumagin et al.). Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; Public Opinion Foundation Institute, 750 p. ISBN 5-93947-011-4.

2. Kolmogorova, A. V. (2018). Legitimatsiya kak sotsiopoliticheskiy fenomen i ob″ekt diskurs-analiza = Legitimization as a Sociopolitical Phenomenon and an Object of Discourse Analysis. *Political Linguistics*, *1*(67), 33–40. DOI 10.26170/pl18-01-03. EDN YSUNKN.

3. Romashova, I. P. (2020). Strategii i taktiki legitimatsii v korporativnom diskurse = Strategies and Tactics of Legitimization in Corporate Discourse. *Communication Studies*, *7*(2), 365–376. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(2).365-376. EDN DSZGKL.

4. Tsurikova, L. V. (2007). Diskursivnye strategii kak ob″ekt kognitivno-pragmaticheskogo analiza kommunikativnoy deyatel′nosti = Discursive Strategies as an Object of Cognitive-Pragmatic Analysis of Communicative Activity. *Issues in Cognitive Linguistics*, *4*(13), 98–108. EDN IIQYUD.

5. Baker, C. F., Fillmore, C. J. (2015). A frames approach to semantic analysis. *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis. 2nd ed. (ed. B. Heine, H. Narrog)*. DOI 10.1093/oxfordhb/9780199677078.013.0013.

6. Chilton, P. (2025). Analysing Political Discourse: Theory and Practice. 2nd ed. London: Routledge, 266 p. ISBN 978-1003406990. DOI 10.4324/9781003406990.

7. Dijk, T. A. van. (2001). Critical discourse analysis. *The Handbook of Discourse Analysis (eds. D. Schiffrin, D. Tannen, D., H. E. Hamilton)*, 352–371. USA: Blackwell Publisher Ltd.

8. Dijk, T. A. van. (2008). Discourse, Power and Access. *Discourse and Power*. DOI 10.1007/978-1-137-07299-3_3.

9. Entman, R. (1993). Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*, *43*(4), 51–58. DOI 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x.

10. Fairclough, N. (2001). Language and power. 2nd ed. London: Longman. — ISBN 978-0582414839.

11. Flowerdew, J., Richardson, J. E. (2017). The Routledge handbook of critical discourse studies. London: Routledge. ISBN 978-1315739342. DOI 10.4324/9781315739342.

12. Lakoff, G. (2009). Metaphor and war: The metaphor system used to justify war in the Gulf. *Cognitive Semiotics*, *4*(2), 5–19.

13. Lakoff, G., Johnson, M. (1981). Metaphors we live by. Chicago: Univ. of Chicago Pr. ISBN 978-0-226-46800-6. DOI https://doi.org/10.7208/chicago/9780226470993.001.0001.

14. Leeuwen, T. van. (2007). Legitimation in discourse and communication. *Discourse & Communication*, *1*(1), 91–112. DOI 10.1177/1750481307071986.

15. Matthes, J. (2012). Framing Politics: An Integrative Approach. *American behavioral scientist*, *56*(3), 247–259.

16. Reyes, A. (2011). Legitimation in political discourse: From Words to Actions. *Discourse & Society*, *22*(6), 781–807. DOI 10.1177/0957926511419927.

17. Steen, G. J., Dorst, A. G., Herrmann, J. B., Kaal, A. A., Krennmayr, T., Pasma, T. (2010). A method for linguistic metaphor identification. S.l.: John Benjamins. DOI https://doi.org/10.1075/celcr.14.

18. Wodak, R., Meyer, M. (Eds.) (2009). Critical discourse analysis: history, agenda, theory, and methodology. 1. Methods of Critical Discourse Analysis. S.l.: Sage.